

КНИГА И МИР ИСКУССТВА

какими-то, т.е. это КАК, а О ЧЁМ: о любви, о Родине, о природе – это уже второстепенное. На первое место в поэзии выходит КАК.

- Значит для вас поэзия – это не то, о чём сказано, а то как это сказано? Форма для вас важнее содержания или даже является содержанием, если я вас правильно понял.

- Да, если очень грубо сказать, то это так. На самом деле всё гораздо сложнее. Да, форма в лирике – содержательна.

- Начиная с 90-х годов вы замолчали на 15 лет. В чём причина молчания и почему снова решили сказать слово.

- Причин было несколько. Главная причина была – общая депрессия. Я не сразу перестал писать. Инерция была так велика, что я ещё до 95-го года писал, но в 1995 г. прекратил после того, как отец принял меня на работу в Приморский горнообогатительный комбинат. Там у меня на складе лежало 2000 тонн металла, задача была его продать, и каким-то образом запустить производство. Когда я пришёл, то очень сосредоточенно стал учить английский, изучать компьютер и всё, что связано с маркетингом, с торговлей и вольфрамом. Информация сама тогда ко мне приходила со всех сторон. Когда я хотел что-то узнать, эта информация шла отовсюду. К примеру, листаю я газету и вижу эти нужные мне сведения. Беру какую-то книгу и тоже – там то, что мне необходимо. Открываю Интернет, встречаю человека и т.д. – всё само идёт на меня, и это очень сильно мне помогало. Первая причина депрессии была общая – страна тогда получила поражение, которое можно к военному приравнять, а по последствиям так даже хлеще военного. Явных человеческих жертв не было, но в экономике, в разграблении страны последствия были ровно такие же, как при вторжениях и завоеваниях извне.

Было осознание того, что перспектив не будет, а ресурсы уходят, а я никак не могу повлиять на это. Первое и основное поражение – сами пораженческие настроения. Перспектив я не видел, и закончится эта ситуация при моей жизни или нет, я в тот момент не знал. Я понимал, что людям, которым не на что купить

продукты, не до литературы. Поэзией тогда практически не интересовались. Только пол процента населения читали и те не регулярно, а тех, кто стихотворными текстами увлекался, было совсем мало. Да, о поэзии, вообще, и речи не было! Первое время я пытался писать тексты для песен, пытался найти композиторов местных, не в Москву же ехать, корни все здесь у меня.

Но умом я понимал, что ехать в Москву нужно, только там профессионально можно было работать, писать тексты и как-то существовать. Но не хотел я уезжать, хотел тут остаться, и у меня ничего не получилось. Нет у нас этого бизнеса. Ночные клубы есть, они тогда организовывались, но платить не платили или долларов 50 за выступление. И то – хорошему исполнителю. И нужно было жить во Владивостоке, а я, по местным меркам, живу в провинции. Это первая причина творческого молчания.

Пейзаж наш – провинции заговор,
Здесь мыслей иное течение,
В Приморье не вишня, а сакура,
И это имеет значение.

Абстрактно и как-то безадресно
Мы пишем не песнями – письмами,
И бьётся взволнованно радостно
Иное пространство у пристани.

Живём себе напрочь лишённые
Московского горя-величия,
Берёзы – и те у нас жёлтые,
И знаково это отличие.

Вторая причина – у меня в это время был тяжёлый мучительный роман с одной красивой женщиной. А я не мог писать об этом. Если бы я писал, а кто-то читал, то это же был бы кошмар.

КНИГА И МИР ИСКУССТВА

Когда я был чем-то недоволен в жизни, то писал настолько иносказательно, что читать это могла только моя жена, которой я давал ключи, как это прочитает. настолько написанное было зашифровано, что у остальных могли быть только догадки, а у Саши Лобычева – свои озарения. Но это всё были частности, а главного – не видели. Это вторая большая причина.

Нежный, будто в цвете сад,
вновь вселился вор в меня,
всё-то в жизни невпопад,
и любовь – не вовремя!

Голос ласковый во мне
речкой чистой плещется,
в лунном призрачном огне
профиль твой мерещится.

За луной в разрывы туч
полночь мрачно гонится,
отпусти меня, не мучь,
не губи, бессонница!

Завтра должен я бежать
в летнем жарком вареве
и на все педали жать,
не было б аварии!

С высоты моих-то лет
падать? - опрометчиво!
сбитым на одном крыле
дотяну ль до вечера.

Ощутить смогу ли вновь
дрожь аэродромную,
вены вскрыть, сливая кровь
в темноту бездонную? (1993)

И третья причина – мне надо было сконцентрироваться предельно и направить все свои способности на спасение. Представьте себе, развалился огромный корабль. Какой-то там огрызок деревянный плывёт в штормовом море. И надо придумать, как на этом огрыске доплыть до какого-то там берега. И все свои силы я направил туда. И нам удалось наладить продажи. Я хотел передать это дело молодым людям, медалистам. У нас ежегодно были золотые и серебряные медалисты, со знанием английского языка, их родители работали на нашем комбинате. Первый отличник ушёл, а второго я задержал – сына одного из заместителей директора. Я просто платил ему, отдавая часть денег из своей зарплаты. И он работал так года полтора, пока до нас не дошло, что надо принять его в штат, приняли, и сейчас он начальник отдела. Это прекрасный специалист широкого профиля, который успешно всем занимается. Ситуация поменялась на комбинате. Я думал, что мне придётся заниматься предприятием, стать директором, и я себя ломал, ну, что ж сделаешь! Жизнь так устроена, что нужно делать вот именно это. Стихи – это здорово, а если здесь посёлок загноётся, а у нас природа была ещё сохранена, замечательные места и так далее.

- Поэтому вы снова начали заниматься творчеством?

- А я и не планировал молчать, я просто боялся, что ситуация так сложится, что мне придётся забыть про это вообще, могло сложиться так, что мне придётся стать директором, а это труднее, требовало ещё больше усилий. Уже за коллектив надо отвечать, за всё, за всё, потому что в посёлке Восток кроме этого предприятия вообще ничего нет. Если умрёт предприятие, всё остальное тоже сразу остановится. Люди вынуждены будут уехать. А посёлок

хороший: там есть плавательный бассейн, школа, дворец культуры замечательный. Жизнь по советским понятиям там была очень хорошо устроена.

Начал писать, потому что я понял, есть люди, которые могут возглавить предприятие, а мне не надо дальше в этом направлении стремиться. Раз я не нужен, то могу продолжить заниматься творчеством. Но этот момент тоже переживался довольно тяжело, и у меня был тяжёлый разговор с отцом. Об этом я тоже собираюсь рассказать. Хочу написать роман, к которому уже есть название «Волчья пена». Это значение слова «вольфрам» в переводе с немецкого. Есть очень хороший материал, но я пока не знаю в какой форме это подать: в форме традиционного романа или в современном каком-то повествовании, как например, Василий Авченко пишет: у него есть тема и на основании этой темы он в свободном повествовании с философскими и психологическими оттенками её излагает. У меня сюжет не будет быстрым, как в классическом романе. Это будет набор отдельных каких-то эпизодов из жизни посёлка, из моей жизни и других людей. Детали жизни.

И писать я начал опять из-за женщины. После всех переживаний, сильно поругавшись с отцом и на работе, я лёг в больницу. Прикинулся больным, заплатил за недельное лежание, и меня положили на обследование. И это было уже второй раз, как я лежал на лечении. Там была молодая терапевт, когда я лежал ещё первый раз, то я не обращал на неё внимания. А в этот раз, когда я готов был уже выписаться, она снова появляется, похудевшая на много килограммов, невысокая, очень энергичная. До моей койки не дошла и говорит: «17.02 – у меня рабочий день закончился». На следующий день мне выписываться из больницы, и я ей говорю: «Девушка, кто ж вас так сильно обидел? Я невооружённым глазом вижу всех, пострадавших от несчастной любви. Пойдёмте в ресторан, я вас угощу, вы мне расскажите свою историю, а я вам – свою». И она согласилась, и мы пошли.

Я уехал и сказал, что буду звонить ей каждый день. Звоню ей раз, два, три... на пятый день телефон не отвечает. Ну, сразу всё понятно. Через день телефон включается. И я её спрашиваю: «У тебя отношения наладились?» Она говорит: «Да, да, да!». И тут меня, как скрутило... Я не могу сказать, что я был сильно влюблён, но меня скрутило так, что я ничего не мог, всю ночь сидел, писал, и у меня литературная газета вся четверостишиями была исписана. И утром, закончив писать, из сотен четверостиший, которые за ночь выдал, я написал стихотворение «Про врача».

ПРО ВРАЧА

Я себя не узнаю,
Мыслю медленно, как Даун.
Поперек пути стою,
Перед мордою – шлагбаум!

Звёзды в небе грозном
Утром медленно линяют
Я всё думаю о том,
На кого меня меняют?!

Сердце бьётся – глупый труд!
Эта страсть меня погубит,
Мимо женщины идут,
Ни одна меня не любит!

И предвидя сгоряча
Подступающую кОму,
Крикнуть хочется: «Врача!»
Врач на вызове к другому.

Вот с этого момента и началось: я вспомнил, что у меня есть обязанности не только перед посёлком и его людьми, у меня ещё есть обязанности перед большой русской литературой. Я начал судорожно что-то там писать, и в конце 2005 года уже составил сборник. Опять я лежал в больнице, а проведать меня приходил Саша Лобычев, который и написал предисловие к моей книге.

- У вас есть стихотворение «Нарушая правила». Что это означает по вашему мнению нарушать правила сейчас?

- Это эпатажное стихотворение, из области ироничных, серьёзно воспринимать его не надо. В принципе, всякий поэт – он нарушитель общественного порядка, уклада жизни – всего. Это очень неудобный человек в семье, в коллективе. В рабочем коллективе тем более, так и хочется лопатой его стукнуть. Ну, неприятен! Он часто говорит то, что думает, а в жизни у нас установились такие правила – мы играем! Такая наша жизнь: мы всегда говорим одно, а подразумеваем другое, а делаем третье.

- Это поэты так поступают?

- Нет, это мы люди так поступаем. И в том числе вы все, не обижайтесь. Это жизнь так устроена.

Как альпинист, стихов вбивая скобы,
Карабкаюсь,
Но сверху всё видней,
Что в мире больше христианской скорби,
Чем эгоизма радости моей...

А поэт иногда эти правила нарушает. Он вдруг с искренним удивлением говорит: «Да, это же на самом деле не так!» И все это знают, но никогда вслух ничего подобного не скажут. Они будут произносить речи на собрании, говорить о том, как трудно в стране, а причину – никогда не назовут. Поэтому и есть дипломатия: вокруг да около ходят.

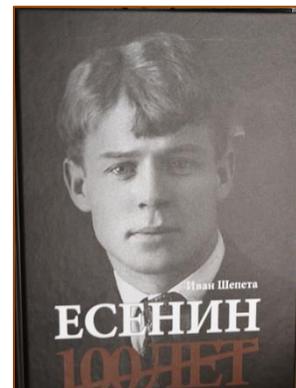
Русским пора усвоить урок.
Кто виноват, я уже не спорю.
Знаю, что делать... Владивосток –
Самый удачный наш выход к морю!

Здесь и сейчас утверждать спешу
Радость и мысль, что не виснет хмуро,
Пусть, как и все, я порой дышу
Горькою славою Порт-Артура!

Главное то, что любовь со мной,
Не отпускает, как ветер парус,
Счастье соленою бьёт волной,
Мне – хорошо! и я улыбаюсь.

И наступившему радуюсь дню,
И все по-новому понимаю,
И никого ни в чем не виню,
И обвинения не принимаю.

/пос.Восток(бывший Восток-2) – г. Владивосток,
2005-2006 гг./

Книга И. Шепеты «Есенин.
100 лет без права переписки»

У меня своё понимание гармонии. Я на самом деле стихи пишу очень долго. У меня бывают стихотворения, написанные мгновенно. Их не трогаю. Но таких стихов меньшинство. Остальные переделываю.

Есть, например, стихотворение, которое открывает один из сборников, так первое его четверостишие в 1983 году было написано, и понадобилось много лет, чтобы его дописать до конца, и как только оно у меня полностью появилось, так сразу я издал книжку. Но на самом деле я и

КНИГА И МИР ИСКУССТВА

после издания книги уже нашёл в нём слабое место и переделал его в очередной раз. Смысл в стихотворении всегда не один, их три, четыре, пять.

- *Цитирую вас: «Я поэт и живу в воображении». Какую роль для вас играет воображение в поэзии и жизни?*

- Моя жизнь и есть воображение.

Да, наша жизнь вещественно груба
И зрима испареньями остывшими,
Так мысли, отлетая ото лба,
Становятся, остыв, четверостишьями.

При этом я знаю слабость людей, занятых поэтическим творчеством. Вот позиция Бродского меня раздражает и вызывает отторжение. Он считает, что поэзия – это работа, и за одно то, что он пишет стихи, ему должно быть прощено всё остальное. Да, нет, конечно. Поэзия всегда факультативна. Помимо того, что ты должен обязанности члена коллектива исполнять: отца, сына и так далее... поэзия – это как дополнительное задание в жизни, которое ты должен выполнить, несмотря ни на какие препятствия. Мои возможности от природы – значительные, и я чувствую, что я свою обязанность по большому счёту не выполнил.

У отца моего стоял томик Белинского, и я в пятом или шестом классе всю эту книжку прочитал. И с Лермонтовым в первый раз я познакомился в пересказе Белинского. В его статье три четверти «Героя нашего времени» было процитировано. И вот тогда я стал в библиотеку ходить и брать всё, что было связано с литературой. Библиотека была маленькая, но всё это самое важное я начинал тогда, в советское время, читать. Мы ещё в школе не проходили, а я уже мучился: «Что же такое соцреализм?» До сих пор, честно говоря, мучаюсь. Придумал свою какую-то концепцию. Серьёзно всегда пытался разобраться. А разобраться было невозможно, даже преподаватели толком не знали, что это такое. Переполнена была библиотека политическими и критическими статьями на эту тему.

Я прочитывал всё, что там было и ещё купленные в магазине книжки. Всё, что касалось критики, я прочитывал с гораздо большим вниманием, чем сами поэтические книги...

- *Поэт – пророк или нет? Какова его роль сегодня?*

- Вопрос сложный на самом деле. Один большой знаток насчитал, что в современной России есть 600 поэтов настоящих. Но кого из них можно назвать пророком? Но по большому счёту большой поэт (а посчитать их хватит пальцев на двух руках) всегда пророк. Например, Александр Сергеевич Пушкин (себя я не считаю пророком, если серьёзно и коротко). Из этих вот 600 поэтов назвать кого-то пророком – очень сложно. Может быть, со временем следующие поколения поймут, что кто-то из них и был таким поэтом.

Градаций поэтов очень много, я бы мог написать литературную статью на эту тему. Есть придворные поэты, есть песенники и так далее. Это, как и у художников. Но читая стихи, я не пытаюсь найти предсказания будущего. Ни в коем случае! Для меня главное – художник это или нет. Вот здесь проходит черта. А у художников уже разная степень таланта. Пророки – это вообще какой-то космос, и их единицы.

В советское время в огромных количествах стали издавать стихи, которые читать просто нельзя. Это отравы, несъедобно.

- *Бытует мнение, что художник должен быть голодным. Как вы считаете, это так?*

- Я думаю, что это не очень умная сентенция. Просто по жизни так и есть: они слишком заняты своим творчеством. Им многое не позволяет их статус и из-за этого они становятся голодными. Они прикладывают большие усилия (как и я тоже стремился), чтобы быть похожими на человека.

Интересно, что все стремятся выделиться, а я, наоборот, хотел быть, как все. И у меня это плохо получалось. Почему? Потому что я не был, как все.

КНИГА И МИР ИСКУССТВА

- *Поэты – плохие актёры?*

- Нет, не согласен. Я, когда слышу, как актёры читают стихи известных поэтов, меня немножко передёргивает, потому что пропадает музыка, ритм. Поэт – носитель ритма.

Я сам над собой смеюсь, а некоторые наивные люди верят и думают, что мне маленький успех уже выпал, и я смеюсь и радуюсь каждому доброму слову. Нет. У меня претензии настолько велики, что никакая публикация не может меня радовать в полном смысле этого слова. Тщеславие – это когда тебе делают комплимент, а ты знаешь, что это неправда, но всё равно заглываешь его. Я не радуюсь никаким комплинтам, если считаю, что это не так. Но я всегда поблагодарю.

О судьбе

Когда уходит в мир иной
Поэт, с которым был ты в дружбе,
То тень от каждой запятой
В его стихах ложится глубже.

Всё, всё иной имеет вид,
И горизонт уходит дальше,
И каждый оборот звучит
Без прежней кажущейся фальши.

Что изменилось? Ничего.
Ни полслезинки, ни полслова,
И только нет теперь его,
Неисправимого, живого.

Седанских ясеней листва
Слетает осенью на землю.
Я слышу прежние слова,
Но жизнь умом, как миг, объёмлю.

Я несказанно удивлён
Среди рассеянной печали
Той музыке иных времён
И высших сфер, что прозвучали.

И – тишина, конец борьбы,
И зрители благоговейно немы...
Нет, не из слов, а из судьбы
Поэты делают поэмы!

(И. Шепета, памяти поэта А. Романенко, 2004 г.)

*Материал подготовлен редактором-составителем
альманаха Маликовой С.Б.*